

Легкомысленная соблазнительница

Автор:

[Хайди Райс](#)

Легкомысленная соблазнительница

Хайди Райс

Поцелуй – Harlequin #20

Выпускница колледжа Джина Каррингтон знает толк в развлечениях – взбалмошная и обольстительная, эта дрянная девчонка способна затащить в постель любого. Даже Картера, брата подруги, чопорного девственника, которого дома ждет невеста. После бурной ночи оба понимают: продолжения не будет. Спустя десять лет Джина узнает, что та мимолетная связь обернулась для Картера разводом и проблемами с сестрой. Терзаясь угрызениями совести, она решает принести Картеру запоздалые извинения. Неопытный любовник превратился в красавца-бизнесмена, он обаятелен, сексуален и, кажется, способен приручить дрянную девчонку. А заодно и залечить глубокие раны, которые оставила на ее сердце случайная ночь страсти...

Хайди Райс

Легкомысленная соблазнительница

Моим «сообщницам» – Эйми Карсон, Кимберли Лэнг и Эми Эндрюс – за то, что они – такие великолепные писательницы, вдохновляющие коллеги и вдобавок крутые тетки. Мы жжем, леди!

Heidi Rice

Maid of Dishonor

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Maid of Dishonor

Copyright © 2013 by Heidi Rice

Пролог

Кампус колледжа Хиллбрук,

Апатит Нью-Йорк, десять лет назад

– Звучит офигительно, Марии, но Картеру с Мисси не стоит так грузиться внешним лоском их свадьбы и забывать о том, что они любят друг друга.

Причудливые речи Риз вплыли в сознание Джины Каррингтон сквозь доносившийся с заднего крыльца приторный аромат цветущих гиацинтов и туман, навеянный бокалами шампанского, и ни на йоту не развеяли ее меланхолии.

«Нельзя ли наконец-то слезть с этой темы?» – мысленно взмолилась Джина.

Ее щеки загорелись, когда вспышка гнева пронзила опустошающее чувство потери, терзавшее ее несколько дней. С тех самых пор, как Джина совершила самую большую ошибку в своей и без того полной промахов жизни.

– С этим проблем не будет. Они обожают друг друга вот уже много лет. Когда Картер сделал предложение, мы с Мисси не спали всю ночь – радовались, что станем сестрами. – Марии засмеялась, и высокие мелодичные нотки ее голоса прочистили туман в голове Джины.

Помнится, по приезде в Хиллбрук Марии была такой чопорной и застенчивой... Остальные девчонки не сразу осознали, что под ее безупречными манерами типичной южанки таился панический страх. Во время учебы Джине нравилось слушать этот залиvistый смех, потому что он символизировал освобождение Марии от своей, как она говорила, «обойденной феминизмом семьи».

– Так какое же у Мисси будет платье? – оживленно спросила Риз.

– О, такое красивое! – промурлыкала Марии. – Шелк цвета слоновой кости. Эта невеста соблюдает все традиции.

Сверкнув улыбкой в сторону Джины, Марии добавила:

– Я знаю, не все из присутствующих одобряют это, но то, что они с Картером решили сохранить невинность до первой брачной ночи, кажется мне таким романтичным...

«Ага, только все совсем не так», – подумала Джина и со звоном опустила бокал для шампанского на столик.

– Кто-нибудь принесет еще бутылку? Боюсь, уже не смогу выслушивать обо всех этих «снах молодой любви», не подкрепившись спиртным.

Кэсси тут же спорхнула с перил.

– Похоже, моя очередь. Я схожу, – сказала она с сильным австралийским акцентом и ласково взглянула на Джину, отчего та почувствовала себя еще несчастнее.

Кэсси знала, что произошло неделю назад, когда в Хиллбрук приехал старший брат Марии, Картер Прайс. И по привычке рассуждала прагматично: «Не понимаю, почему ты должна чувствовать себя виноватой – ведь это он обручен и вот-вот женится». Но когда Кэсси направилась на кухню, желая избавиться от висевшего в воздухе напряжения, которое, похоже, не замечала только Марии, стало ясно: даже Кэсси с ее хваленым прагматизмом было неловко.

Обернувшись, Джина увидела, как Марии недоуменно наблюдает за ней со своего шезлонга. Подруга, видимо, задавалась вопросом, с чего это Джина не прыгает от восторга по поводу «свадьбы века». Брак ее брата Картера с ее лучшей подругой Мисси на протяжении многих месяцев был для Марии самой животрепещущей темой – и Джина не отказывала себе в удовольствии добродушно поддразнить ее.

Но все изменилось в прошлую субботу, когда Джина познакомилась с пресловутым Святым Картером и тут же стала флиртовать с ним, увязая в трясине вожделения. И немудрено, ведь старший брат Марии был не заносчивым и самодовольным джентльменом, которым прикидывался, а милым, чувствительным и по-настоящему пылким красавчиком.

Вечер начался как шутка, сыгранная с Картером, но в итоге шутка случилась с Джинной. Ну откуда она могла знать, что Святой Картер станет первым мужчиной, показавшим ей, что секс – это не только физическое наслаждение? Что иногда здесь могут быть замешаны и чувства? Что именно он заставит ее стыдиться своих безрассудных желаний? И вынудит признать, что доверие, здравый смысл, честь и долг – не просто громкие слова?..

Поток невеселых мыслей прервала Марии:

– Джина, ну признайся, даже ты считаешь желание Картера и Мисси сохранить себя друг для друга романтичным!

Джина решила, что это слишком, особенно после двух бокалов «Дом Периньон» и осознания того, что у нее задержка вот уже четыре дня.

– Это не романтично, Марии, это ненадежно. Ну что будет делать твоя лучшая подруга, если после первой брачной ночи выяснит, что Картер ни на что не годен?

– Не могу не согласиться, хороший секс – важная составляющая отношений, – вспыхнула Риз, сделав глоток шампанского.

С губ Марии слетел тихий смешок, но ее щеки стали пунцовыми.

– Ты слишком много думаешь о сексе, а мы с Мисси уверены, что это не самое важное.

– И что вы, две маленькие девственницы, об этом знаете? У вас и секса-то никогда не было! – Джина вспыхнула от нахлынувших паники и гнева, вытеснивших из души угнетающее ощущение отвергнутости.

– Не обязательно заниматься сексом с парнем, чтобы понять, что ты его любишь. Мисси не волновалась по поводу того, как Картер будет... – Марии замялась, – исполнять супружеский долг. Они обсудили это.

Нет, вы только вслушайтесь – супружеский долг!

Ярость Джины разгоралась. Из того немногого, что рассказал ей Картер, – и того обширного, о чем он умолчал, – она знала, что лучшая подруга Марии, Мисси Уэйнрайт, была жеманной, лицемерной недотрогой, которая скорее зашьет себе влагалище, чем позволит Картеру хотя бы упомянуть о сексе!

Этот мужчина буквально изголодался по страсти. Он так жаждал хотя бы прикосновения, что Джина чуть не расплакалась от умиления, когда он с воодушевлением отреагировал на обычный поцелуй. Картер даже поблагодарил ее с этим тягучим южным акцентом, когда она расстегнула молнию на его брюках и положила ладонь на твердую, пришедшую в боевую готовность плоть. В тот момент Джина не осознавала, что Картер был девственником, но, когда он смущенно признался в этом позже, паря с ней в эйфории чувственного послевкусия, ее сердце так и сжалось в груди.

Уму непостижимо, что мужчина, такой зрелый и сексуально неотомимый, отказывал себе в главной из людских потребностей! Неужели его невеста была такой равнодушной и фригидной? Вырвавшийся у Джина резкий смешок очень подходил ее новому амплу: злая сексуальная королева попыталась разбить счастливую пару, а потом крадучись вернулась в темный лес, полный сожалений и упреков.

– На самом деле твоя лучшая подруга Мисси не обсуждала с Картером «супружеский долг», но передай ей, чтобы не переживала. – Шампанское за двести долларов заурчало в животе Джина. – Как выяснилось, ее жених обладает природной способностью доводить женщину до оргазма. Мало того что у него член как у жеребца, так он еще и исключительно ловкий, невероятно гибкий и просто неотомимый. Мне ли не знать – я протестировала его лично.

– Что-о-о? – сдавленно всхлипнула потрясенная Марии.

Риз изумленно прыснула:

– Джина, ты прекратишь ее дразнить? Это не смешно.

– Если ты и правда так шутишь, это отдает дурным вкусом. – Марии сейчас напоминала капризного, очень наивного ребенка. – Сердце Мисси было бы разбито, если бы Картер нарушил обет.

«Особенно с потаскухой вроде тебя», – мысленно закончила за нее Джина.

Она вдруг почувствовала себя невероятно трезвой, безрассудной и мстительной. Картер ушел от нее решительно настроенным сдаться на милость Королевы-девственницы – но Джина не собиралась хранить его тайну. Она не стыдилась

наслаждения, которое они испытали вместе, это было нечто неподдельное и яркое, хотя и мимолетное.

– Не накручивай себя, Марии. – Риз, вечно напоминая квохчущую над цыплятами наседку, потрепала Марии по спине и бросила на Джину уничтожающий взгляд. – Это всего лишь тонкий английский юмор Джини. Не знаю, что на нее нашло.

А вот Джина знала, что нашло на Риз, эту принцессу Парк-авеню, с тех самых пор, как она вернулась после ночи любви со своим парнем. Риз по уши влюбилась в того морского пехотинца, с которым познакомилась в какой-то забегаловке. Джина видела, как Риз поглаживала висевший на шее армейский жетон, когда думала, что на нее никто не смотрит. Подруга уже успела объявить, что Мейсон оказался «тем самым единственным», словно процитировав строчку из слащавой мелодрамы.

Горечь и нечто напомидавшее зависть схватили Джину за горло, вызвав желание причинить боль и Риз. Этой безнадежно романтической натуре, нелепо верившей в любовь с первого взгляда.

– Единственное, Риз, что на меня нашло, – это воспоминание об огромном, как у жеребца, члене Картера Прайса...

– Прекрати, больше ни слова! – закричала Марии, закрывая уши, как ребенок, не желающий слушать правду. По ее щекам заструились слезы. – Это не так. Этого не может быть. Ты лжешь. Картер ни за что не сделал бы ничего подобного. Он – порядочный парень. И он любит Мисси.

– Картер может любить Мисси, но занимался любовью он со мной.

– Джина, как ты могла так поступить? – обнимая Марии, прошептала сокрушенная Риз. – Ты ведь знала, что он обручен.

«Потому что я говорила, и он слушал, – подумала Джина. – А потом он говорил, и я слушала. И мы касались друг друга, целовались, держались за руки, и это казалось важным. Потому что он был умным, юморным и нежным, и когда он смотрел на меня, я чувствовала себя сексуальной и особенной».

Но Джина не произнесла это, потому что на самом деле ее ощущения оказались лишь иллюзией, вызванной зноем летней ночи и коварными феромонами. К утру все развеялось.

– Я сделала это, потому что он был страстным, сексуальным и умолял об этом. С чего бы еще? – ответила она.

Риз тихо выругалась. Марии вскочила на ноги, и ее лицо исказилось яростью и отвращением.

– Но он обручен и вот-вот женится. У тебя что, вообще не осталось ни капли чести? Как можно быть такой... потаскухой?

Джина усилием воли подавила дрожь. Ее и раньше называли потаскухой – сказать по правде, собственный отец называл ее намного хуже. Но сейчас это слово впервые было обращено к ней сознательно.

– Она не потаскуха, – вдруг прозвучал голос Кэсси, и, обернувшись, все увидели ее с открытой бутылкой шампанского, пеной струящегося с пальцев. – Это не она обручилась и готовится к свадьбе. Это он. Обвинять Джину в его неверности – еще один образчик двойных стандартов, которые...

– Так ты все знала? – прервала Марии, не дав Кэсси закончить лекцию на тему феминизма.

– Да. Она призналась мне на следующее утро после того, как все случилось.

– Почему ты ничего не рассказала мне? – вскричала Марии. Ее эмоциональная вспышка резко контрастировала с немигающим, спокойным взглядом Кэсси.

– А с какой стати? Это касается только Картера и Джины.

– Может быть, с такой, что Картер – мой брат, а его невеста – моя лучшая подруга! С такой, что я собираюсь стать ее подружкой невесты. С такой, что это – катастрофа. – Марии плюхнулась на шезлонг. – Я не могу сказать Мисси. Она будет уничтожена. Свадьба через неделю. И Мисси планировала церемонию больше года.

– Не волнуйся, он ничего не отменит. Он ведь вернулся к ней, не так ли? – Джина сосредоточенно изучала свои ногти, борясь с болью, стиснувшей грудь, и старательно делая вид, будто ей все равно. – Не понимаю, что ты так завелась, Марии. Это было приятно, но я не собиралась его удерживать.

– Не могу поверить, что уважала тебя! Что считала тебя классной. Тогда как на самом деле ты просто лживая потаскуха без сердца и моральных принципов!

– Угадала, Скарлетт. Я – бессердечная шлюха. – Джина поднялась, забирая у Кэсси бутылку. Плеснув остатки шампанского в бокал, она отсалютовала всем, поднимая тост. – Похоже, шоу на сегодня окончено, так что мне остается только откланяться и удалиться. Было весело, но я ухожу. Мне утром рано вставать, чтобы успеть на рейс в Лондон.

– Погоди-ка, а как же наше путешествие? – спросила Кэсси, и ее глаза округлились, точно так же, как и глаза Риз. – Мы ведь собирались ехать завтра, ты не забыла?

– Думаю, стоит отложить поездку до лучших времен. – Джина кивнула на Марии, которая смотрела так, будто у нее на голове вместо волос шевелились змеи. – Я не выдержу три недели в одной машине с нашей южанкой Скарлетт, которая пялится на меня так, будто кинжалы мечет.

Джина решительно шагнула через порог. Резкие слова Марии и озабоченное жужжание Риз смолкли, стоило ей сосредоточиться на том, чтобы держать спину прямо и не поддаваться желанию расплакаться от жалости к самой себе.

На лестнице ее догнала Кэсси:

– Джина, я этого не понимаю! Ты запросто можешь отправиться с нами в путешествие. Марии свыкнется с этим. То, чем ее брат занимался с тобой, ее не касается.

Но не успела Кэсси договорить, как дом буквально сотряс гневный вопль: «Шлюха!»

Джина прижала ладонь к щеке Кэсси:

– Поживем – увидим. Давай поговорим завтра. Посмотрим, какой настрой будет у меня и у Марии.

Но она уже знала, что Марии не сможет забыть. В этом Джина нисколечко не сомневалась. Она в который раз сожгла все мосты, оттолкнула людей, которые что-то для нее значили. Джина уже жалела о своей вспышке. Какие жестокие, возмутительные слова вырвались у нее! Увы, теперь было слишком поздно брать их назад. И, вероятно, так было даже лучше. Она просто не умела дружить.

Кэсси кивнула:

– Ладно. Я буду скучать по тебе, ты ведь знаешь.

«Я тоже буду скучать по тебе, – ответила про себя Джина. – И по Риз, и даже по Марии».

Но вместо того чтобы признаться в этом, она просто кивнула и ушла.

Наутро, когда все еще спали, Джина вызвала такси. Она осталась довольна нарочито легкомысленной прощальной запиской, на обдумывание текста которой потратила несколько часов.

«Простите за то, что так чудовищно облажалась и испортила наш последний совместный вечер, мои клевые чувихи. Но, по-моему, мы все понимали, что я со своим ненасытным аппетитом до красивых парней рано или поздно как-нибудь да наломаю дров. Надеюсь, вы сможете меня простить.

Целую, Д».

Глава 1

Нью-Йорк-Сити, август, наше время

«У меня кое-что произошло. Тебе с М. придется выбрать классное место проведения торжества Кэсси без меня. Увидимся завтра в свадебном салоне Эмбер. В 11 утра. Не опаздывай.

Целую, Р.».

«Риз Майкл, я убью тебя!» Джина Каррингтон сердито пробежала глазами по сообщению, высветившемуся на экране смартфона.

Это была чистой воды подстава.

Сейчас ее давняя, со времен колледжа, соседка по комнате томилась в муках нирваны второго шанса со своим сексуальным экс-супругом Мейсоном, за которого снова собиралась замуж. В последнее время Риз так сияла от радости и, похоже, от шикарного секса.

Уловка насчет того, что случилось нечто важное, была проявлением нелепого оптимизма Риз. Она неуклюже оставила Джину и Марию наедине, чтобы заставить их поцеловаться и помириться после той нескучной ночи десять лет назад. Джине стоило понять, чем все обернется, как только Риз, эта чемпионка по организации мероприятий, предложила им троим устроить свадебную вечеринку-сюрприз для Кэсси и Така, сексуального качка, за которого подруга планировала выйти замуж в бюро регистрации браков Манхэттена в пятницу перед Днем труда.

В типичной для себя манере Кэсси, их чокнутая подруга, бросила на жениха всю подготовку к церемонии. Так что, переговорив с Таком, Риз постановила: они с Марии и Джиной возьмутся за организацию торжества, не говоря Кэсси ни слова. Свадьбу решили отпраздновать со вкусом и сдержанно – с минимумом гостей и великолепными блюдами в каком-нибудь хорошем ресторане.

В результате они решили пересечься с утра пораньше в любимой забегаловке Джини близ Центрального вокзала и обсудить возможные места празднования. Но Риз загорелась идеей превратить незатейливую встречу в миссию ООН по поддержанию мира, сделав саму себя «третьей лишней».

Впервые после давней ссоры Джина с Марии встретились чуть больше месяца назад, во время фиаско, которым обернулась свадьба Риз с Диланом Бруксом – настоящим Мистером Совершенство. Бывшие подруги держались подчеркнуто вежливо: перекинулись парой слов, даже натянуто обменялись шутками. И никаких оскорблений, никаких попыток наброситься с кулаками или выцарапать глаза, как ожидала Джина. Но, увы, вернуться в прошлое и стереть свои ошибки было невозможно. Оставалось только научиться жить с ними. И она не думала, что Марии когда-либо ее простит. Потому что она себя так и не простила.

Но проблема заключалась не только в этом. За поцелуем и примирением с Марии последовал бы разговор о мужчине, которого Джина пообещала себе никогда больше не вспоминать. И без того за прошедшие годы она думала о нем слишком часто. Последствия той ночи чуть не уничтожили ее и, судя по тому, что рассказала ей Риз, разрушили и жизнь Картера.

Постукивая ноготками со свежим маникюром по смартфону, Джина бросила взгляд на часы, висевшие на стене забегаловки, и желание написать Марии эсэмэску с извинениями за сорванную встречу усилилось. Оставалось десять минут, чтобы успеть дать деру до прихода Марии, потому что впервые в истории Джина прибыла куда-то заблаговременно.

Вздыхнув, она швырнула телефон в сумку. Десять лет назад она улизнула бы от Марии и неминуемой неприятной беседы. Потому что в девятнадцать лет Джина творила все что заблагорассудится, а потом удирала от последствий. Ах, как жаль, что она больше не была той легкомысленной дрянной девчонкой!

– Вам что-нибудь принести, мисс?

В ответ на любезный вопрос обслуживавшего столики парня, явно студента, Джина приклеила на лицо улыбку.

– Что-нибудь горячее и крепкое было бы весьма кстати, – заметила она, по привычке окидывая его оценивающим взглядом.

Официант покраснел до корней волос:

– Хм... что вы имеете в виду, мисс?

– Кофе, – пояснила Джина, сжалившись над парнем. – И, пожалуйста, чистый, без добавок.

Он кивнул:

– Сию минуту.

Она посмотрела вслед удаляющемуся официанту и улыбнулась. Теперь Джина избегала беспорядочных связей, и все же приятно было знать, что она не потеряла былой хватки.

Через десять минут, отхлебнув водянистый кофе, Джина почувствовала себя разомлевшей. Это благодушное состояние длилось до тех пор, пока во вращающейся двери ресторанчика не показалась Марии Прайс, такая привлекательная и деловитая в строгом костюме и на невысоких тонких каблуках. Помахав Марии, Джина увидела, как на ее лице появилось настороженное выражение, стоило ей заметить отсутствие Риз.

Внутри у Джинины все сжалось от сожаления. Во время их знакомства в студенческом городке стало ясно, что у них нет ничего общего, и первый месяц учебы Джина нещадно дразнила Марии. Но в итоге их отношения переросли в крепкую, искреннюю дружбу.

Поначалу Джина поглядывала на Марии свысока, считая себя умудренной опытом космополитичной женщиной, которая знала о мужчинах и сексе все, в отличие от зажатой девственницы с юга. Но Марии нравилась ей все больше и больше: под образцовыми манерами угадывалась достойная восхищения приверженность поступать правильно, нести ответственность за свои действия и всегда верить в лучшее в людях. А потом Джина взяла и все испортила, прыгнув в постель с братом Марии, которого та боготворила...

– Привет, Джина. – Одарив ее вежливой улыбкой, Марии скользнула на диванчик. – Мы пришли раньше?

«Если бы», – с досадой подумала Джина, пояснив:

– Риз не сможет прийти. Похоже, что-то приключилось.

– И готова держать пари, я знаю, в чем дело, – пробормотала Марии, заставив Джину поперхнуться кофе. – Клянусь, можно подумать, что Мейсон изобрел секс, заставляющий Риз просто извергаться страстью!

Джина не смогла удержаться от усмешки, хотя в воздухе явно висело напряжение:

– «Извергаться» – здесь ключевое слово.

Марии прыснула:

– Надеюсь, на сей раз речь идет о большем, чем просто секс, потому что я не смогу еще раз распаковывать миллиард трюфелей! Только не в этой жизни!

– Аминь! – Джина отсалютовала Марии чашкой, с улыбкой вспоминая о том, как они вчетвером битых два часа вытаскивали трюфели из расставленных по столам коробочек, когда Риз, отменив свадьбу с Диланом, решила превратить сорвавшееся торжество в празднование... Хорошо, никто так и не понял, чего именно.

Заказав у краснеющего официанта чай со льдом и тост из белого хлеба, Марии приступила к делу, вытащив из портфельчика смартфон.

– Я выбрала несколько вариантов, где могут провести мероприятие в нужный день, подать свадебный торт и соответствовать нашим высоким, но не слишком грандиозным требованиям. Мой личный фаворит – «Терраса Трибека». Знаешь это место?

Джина кивнула:

– Конечно, шикарный ресторан с потрясающим меню и танцполом, где Кэсси с Таким смогут выделять порнографические номера нам на радость.

Губы Марии дернулись в усмешке.

– Заведение дорогое, но оно того стоит.

– Идет.

Марии с подозрением сощурилась:

– Идет? Но мы еще не рассмотрели другие варианты... И разве ты не хочешь предложить что-нибудь свое?

– У меня была пара идей, – пожала плечами Джина. – Но ни одно из них не подходит так идеально, как «Терраса Трибека».

Подошедший с тостом и чаем для Марии официант с подчеркнутым вниманием обратился к Джине, выясняя, не желает ли она еще чего-нибудь. Марии смерила его взглядом, в котором ясно читалось: «Ну вот, еще один ее трофей».

Десять лет назад Джина порадовалась бы такой оценке – и, возможно, воспользовалась бы преимуществами всего, что мог предложить ей молодой официант. Но не теперь.

Закончив намазывать тост маслом, Марии подняла на Джину синие глаза, уголки ее губ чуть напряглись. И стало ясно, что их общая подруга Риз поступила правильно: давно стоило вскрыть этот нарыв и все обсудить. Джина понимала, что безвозвратно испортила отношения с Марии и им никогда уже не стать лучшими подругами. Но они могли общаться теплее, не ограничиваясь подчеркнутой вежливостью.

– Думаю, мы обе понимаем, почему Риз не появилась здесь сегодня, – заметила Джина. – И это вряд ли как-то связано с ее дражайшим Мейсоном.

– Риз всегда была миротворцем. Но она оставит попытки быть матерью Терезой, когда мы появимся завтра в свадебном салоне Эмбер, забронировав шикарное место для торжества Кэсси и не устроив типично женскую склоку в ресторане близ Центрального вокзала.

– Как ни странно, должна согласиться... – Джина ощутила странное единение с Марии – ими обеими владело смутное желание задушить Риз. – Но я, вероятно, смогу превзойти ее ожидания.

– Как?

– Извинившись за все эти гадости, что я сказала тебе в наш последний вечер в колледже, за все эти жестокие, ребяческие, ненужные вещи. – Джина чуть не задохнулась, а Марии хранила молчание. – И, что гораздо важнее, попросив прощения за то, что соблазнила твоего брата – столь же жестоко, ребячески и ненужно. Меня оправдывает лишь то, что я появилась в неправильное время в неправильном месте. Я поступила очень плохо, оказавшись бессердечной, эгоистичной потаскухой.

Оставаясь пугающе невозмутимой, Марии слегка наклонила голову:

– Спасибо за извинения. Но если ты вела себя жестоко и ребячески, то и я тоже. И... несмотря на то что я вполне обошлась бы без столь красочного описания... – Марии смущенно закашлялась, – причиндалов моего брата, ты не сказала тогда ничего, что не соответствовало бы действительности. – Она опустила взгляд на свои руки, нервно теребившие салфетку. – Это ведь Картер пошел на измену, Джина. Не ты. А после того, как мне пришлось наблюдать медленную, болезненную гибель его брака и видеть, каким развратником он стал после развода... не думаю, что тебе стоит брать на себя всю вину.

«Развратником? – не поверила своим ушам Джина. – Картер?!»

Да, он был потрясающе красивым, brutальным, притягательным и сексуальным, но под этим мачо скрывался мужчина, который, подобно Марии, хотел всегда поступать правильно, – благородный, чувствительный и трогательно сдержанный, несмотря на пылкое желание, горевшее в его ясных синих глазах.

Ни один человек не мог измениться так сильно. Даже за десять лет...

– Риз говорила мне, что Картер развелся. – Чувство вины запульсировало у Джины внутри, сопровождаясь неуместной волной страстного желания. – Я сожалею и об этом тоже.

– Тебе не за что извиняться, – рассудительно заметила Марии. – Развод случился не по твоей вине – у них было много других... проблем.

– Очень любезно с твоей стороны, – заметила Джина. И еще любезнее было то, что Марии явно не кривила душой. – Но я была непосредственной участницей событий и знаю, как упорно он пытался противостоять мне.

Марии всплеснула руками, прерывая ее:

– Ладно-ладно, все в прошлом, а то ты отклоняешься на тему под названием «Все, что мне не следует знать о своем брате».

Джина прыснула, увидев выражение ужаса на лице этой благовоспитанной красавицы с юга, которая, похоже, осталась такой же застенчиво-восприимчивой в том, что касалось обсуждения сексуальной жизни ее старшего брата.

– Дело в том, что... мне тоже стыдно за вещи, которые я сказала тебе той ночью. Я хотела взвалить вину на тебя, потому что обвинить Картера означало бы признать: он бесконечно далек от пьедестала, на который я его возвела. – Марии вздохнула. – Сейчас мы уже не так близки.

– О, Марии, мне так жаль! В этом тоже есть моя вина?

– Я так не думаю. Это все равно произошло бы, как только я стала бы старше, мудрее и поняла, кто он на самом деле, – с горечью бросила Марии, а потом улыбнулась Джине. – Слушай, я надеюсь, что теперь-то мы будем ладить. Потому что отношения с братом не так важны для меня, как моя дружба со всеми вами.

– Да, будем ладить, – подтвердила Джина, но, когда Марии извинилась и отправилась в дамскую комнату, почувствовала себя опустошенной.

Может быть, между ними и не произошло типично женской склоки, и, может быть, она принесла Марии запоздалые извинения... но почему-то ощущения, что этого достаточно, не возникло.

Жужжание смартфона Марии вырвало Джину из окутавшего ее чувства вины, заставив расплескать кофе. Джина вытерла лужицу и подхватила телефон, опасно вибрировавший на самом краю стола. И тут ее внимание привлекла фотография, вспыхнувшая на экране под текстом эсэмэски:

«Приезжаю в «Стандарт» сегодня в 7 вечера. Я в Нью-Йорке до пятницы. Напиши мне. Нам нужно обсудить твое содержание. К».

Сердце подпрыгнуло у Джины в груди, и прежний жар желания вспыхнул с новой силой. Прижав большой палец к экрану, она пробежала по опасно привлекательному лицу, почти не изменившемуся за десять лет. Волосы Картера стали длиннее, пряди густыми волнами брутально завивались у ушей и спускались к воротнику. Когда-то впалые щеки немного округлились, глаза цвета электрик теперь казались холоднее и ярче, на лице выделялось несколько морщинок, но в остальном Картер Прайс выглядел даже сексуальнее, чем Джина его помнила. Она коснулась соблазнительной ямочки на его подбородке, явственно ощутила царапанье щетины и привкус фисташек, которые чувствовала тогда, когда слизывала ручеек мороженого с его пухлой нижней губы.

«Перестань гладить телефон Марии, ты, идиотка!» – одернула она себя и поспешила положить смартфон на стол, перевернув экраном вниз, за мгновение до того, как за плечом появилась Марии.

– Твой телефон гудел, – сообщила Джина как можно беззаботнее, хотя пульс уже вовсю отдавался в висках.

– Точно, спасибо. – Марии взяла телефон и скользнула обратно на диванчик.

Она прочитала сообщение, и глубокая складка залегла на ее лбу. Тело Джины томилось в страстной горячке, но Марии ничего не сказала, написала несколько слов, нажала на «отправить» и сунула телефон в кармашек портфеля.

– Так я закажу «Терассу Трибека»? – произнесла она деловитым тоном. Хмурое выражение сбежало с ее лица.

Внутри у Джины все сжалось от щемящего чувства. Марии не доверяла ей. И, положив руку на сердце, кто мог упрекнуть ее за это?

Они договорились встретиться завтра, чтобы примерить наряды подружек невесты в свадебном салоне Эмбер, подруги Риз, в районе Манхэттенского

моста. А потом Марии бросилась к выходу, торопясь в свой офис в Бруклине.

Глядя ей вслед, Джина осознала, что существует лишь один способ завоевать доверие Марии и доказать самой себе, что достойна этого доверия. Ей стоило наконец-то исправить все, загладить вину за ту давнюю историю.

По спине побежали мурашки, и она залпом допила остывший кофе. К сожалению, исправить все означало извиниться не только перед Марии.

Глава 2

Джина вышла из такси под Хай-Лайн в нью-йоркском Мясоразделочном квартале и поднялась по железным ступеням в прямой узкий парк, возведенный на месте старых железнодорожных путей. Бетонная дорожка, обрамленная дикими папоротниками и цветами, была полна любителей бега, милующихся парочек и семей, наслаждающихся приятно теплым нью-йоркским вечером.

Пот заструился по ее спине, когда Джина вошла с жаркой улицы в прохладный вестибюль отеля «Стандарт». Элегантный, в стиле ретро декор – все эти белые пластиковые скульптуры, искусственно состаренные каменные стены и обтянутые темной кожей сиденья стульев – заставил Джину почувствовать себя на съемочной площадке научно-фантастического фильма 1960-х годов.

Джина приподняла руки, чтобы не дать поту протечь из подмышек на винтажное мини-платье от Диор, которое она выбирала в своем обширном гардеробе целых полчаса. По замыслу Джины, встречаясь лицом к лицу с призраками прошлого, выглядеть стоило первоклассно, утонченно и сдержанно.

Она немного помедлила и, сделав успокаивающий вдох, направилась к стойке регистрации.

Портье записал сообщение, над составлением которого Джина трудилась большую часть дня. Идеальное сочетание вежливых, бесстрастных и не слишком напористых слов – всего одно предложение, дающее Картеру возможность связаться с ней, чтобы она могла лично принести ему извинения.

Воспользоваться возможностью или нет – это целиком и полностью зависело от него. Отойдя от стойки, Джина испытала невыразимое облегчение. Она сделала то, что должна была сделать. И теперь уже не имело значения, позвонит ли ей Картер. Она почему-то сомневалась, что он захочет сделать это.

Джина успела погуглить информацию о генеральном директоре «Бумажного консорциума Прайса» из Саванны, штат Джорджия. Проведя добрых двадцать минут за детальным изучением фотографий, сплетен и местных новостей, касающихся Картера Прайса и меняющихся, будто в калейдоскопе, идеально-модельных возможных невест, которые сопровождали его на светские торжества и благотворительные мероприятия, Джина вынуждена была признать: Марии не солгала.

Теперь чувствительный, застенчивый южный джентльмен был не просто плейбоем. Он, казалось, пытался побить мировой рекорд по мимолетным связям. Этот Картер был уже не тем парнем, который после их ночи помчался к своей возлюбленной, сгорая от стыда. Неужели он так сильно изменился по ее вине?

Пораженная этой мыслью, Джина замерла на месте – прямо у входа в лобби-бар отеля – и посмотрела на часы. Без десяти шесть. До приезда Картера оставался час. Значит, можно было выпить что-нибудь прохладительное, не рискуя с ним столкнуться.

В переполненном шумными тусовщиками и утомленными туристами баре уже вовсю бурлила жизнь. Один столик в дальнем углу еще пустовал. Джина поспешила к нему, перехватив по пути официанта.

– Содовую, пожалуйста... Нет, не то, – замялась она. – Принесите маленький сухой мартини, вермута поменьше.

Один коктейль не повредит, и она его заслужила.

Когда принесли мартини, Джина сделала глоток и поставила бокал перед собой, смакуя цветочный привкус джина. Потом пронзила оливку у основания бокала коктейльной палочкой и покружила ее, наслаждаясь легким кайфом от алкоголя. Порыв холодного воздуха из кондиционера развеял спертый запах тел и дорогого парфюма, и Джина мысленно перенеслась в знойный летний день, случившийся целую жизнь назад....

Аромат лип и гиацинтов зашекетал ее ноздри при воспоминании о приятной прохладе прихожей дощатого дома в кампусе колледжа. Джина ощутила холод паркета под босыми ногами, как тогда, когда на цыпочках кралась по коридору, зажав туфли в кулаке. От угрызений совести сосало под ложечкой: она скользнула домой в четыре часа дня после того, как всю ночь напролет веселилась на студенческой вечеринке, хотя клятвенно обещала провести день в библиотеке с Риз. И тут из комнаты Марии на втором этаже донесся незнакомый мужской голос, низкий и бесцеремонный, несмотря на сквозившие в нем ленивые нотки Дальнего Юга.

Глава 3

– Нет, это мой окончательный ответ, Марии. Мама не разрешит тебе отправиться в эту поездку с подругами, да и я тоже. После моей свадьбы ты останешься в Саванне на лето.

Джина нахмурилась. Значит, легендарный старший брат, Святой Картер, явился сюда, чтобы отвезти вещи Марии домой. Джина сунула ноги в туфли и решила подслушать разговор – от души насладиться тем, как Марии опустит парня ниже плинтуса, чего он, безусловно, и заслуживал.

– Не думаю, что мне нужно твое разрешение, Картер, – ответила Марии. – Ты не папа, а мама передумает, как только я с ней поговорю.

«Так держать, Марии!» – про себя подбодрила Джина.

Ее грудь горделиво раздулась от осознания того, что год назад у подруги была кишка тонка так дерзко возражать Святому Картеру. Как дружно подозревали Джина, Риз и Кэсси, этот парень был настоящим лохом – отсюда и пошло прозвище, которым они его наградили.

– Мама не управляет финансами фабрики, а я – да, – последовал тихий, терпеливо-раздраженный ответ. – Как же ты отправишься в поездку, если я отказываюсь платить за нее?

– Папа оставил мне долю в консорциуме. Разумеется, я могу...

– Папа оставил твою долю в управлении опекуна, – перебил он все с тем же непреклонным спокойствием. – В управлении, которое он доверил мне, пока ты не достигнешь совершеннолетия – и в данном случае я отказываюсь давать тебе деньги.

– Это несправедливо, Картер!

Пальцы Джини сжались в кулаки. Медленно, но верно самоуверенность и твердость, которые Марии приобрела за год, улетучивались. В сущности, брат даже ее не слушал, и за одно только это Джина могла задушить его голыми руками. Ну почему мужчины вечно напоминают ее отца, критичного, деспотичного и всегда-всегда правого?

Наверху хлопнула дверь спальни Марии, чьи-то шаги застучали вниз по ступеням, и Джина вжалась спиной в нишу на лестничной клетке. Она мельком увидела бросившуюся на кухню высокую фигуру.

Прячась в нише и слушая тяжелые вздохи парня, Джина гадала, разумно ли вмешиваться: с ее склонностью к провокациям она наверняка лишь усугубила бы ситуацию, не говоря уже о том, что это ее не касалось. Но когда Джина подошла к проему кухонной двери и увидела, как он достает одну из бутылок диетической колы Риз из холодильника, гнев так и забурлил в ее душе.

Картер закрыл холодильник, стоя спиной к Джине, скрутил крышку с бутылки и, щелчком отправив ту в мусорное ведро, сделал большой глоток колы. Его огромная рука сжала край раковины, но твердая линия лопаток немного ослабла.

Почему Джина должна была уважать его право на личное пространство, если он не уважал подобного права Марии?

Вызывающе прислонившись к дверному косяку, Джина произнесла вкрадчивым мурлыкающим тоном, обычно превращавшим мужчин в глину в ее руках:

– Знаете, пора вам вытащить эту огромную самодовольную палку из своей задницы. А то, не ровен час, испортит такую красивую линию ваших дизайнерских штанов!

Он обернулся, и у Джины от изумления перехватило дыхание.

Восхваляя Святого Картера весь год, Марии забыла упомянуть одно важное, прямо-таки ключевое обстоятельство: Картер Прайс был настоящим красавчиком.

Ростом выше шести футов, с плечами шириной в милю и загорелой кожей пирата, он был крупным и темноволосым, в отличие от своей маленькой блондинистой сестры. Но их родство подтверждалось потрясающими лазурно-синими глазами, которые теперь сосредоточились на Джине. На лице Марии эти глаза выглядели мило и трогательно, на лице ее брата казались холодными и яркими.

Сделав еще один глоток краденой колы, Картер окинул Джину немигающим взглядом, и по ее телу побежали мурашки.

Она облокотилась о дверной косяк, подавив в себе желание выпрямить спину так, чтобы продемонстрировать свои шикарные груди самым выгодным образом.

«Сосредоточься, Джина, – приказала она себе. – Ты здесь не для того, чтобы флиртовать с парнем. А для того, чтобы поведать ему кое-что о женской эмансипации».

– Ну и манеры, вам палец в рот не клади, мисс, – произнес он низко, растягивая слова, которые лились медленно и обольстительно, будто патока, но в то же время таили в себе намек на непреклонность и осуждение. – Мой папа дал бы мне хорошего пинка под зад, если бы я использовал подобный язык в присутствии леди.

– Что ж, тогда нам с вами очень повезло, что вы не находитесь в присутствии леди, – съязвила Джина. Картер Прайс был не просто красавчиком, а еще и женоненавистником, фанатиком контроля. Но Джина ни за что не позволила бы ему командовать собой. Она тоже смерила его взглядом и продолжила: – Потому что я не горю желанием видеть, как то, что представляется мне исключительно

симпатичным задом, получит хорошего пинка – если, разумеется, этот пинок дам не я.

«Ну-ка, посмотрим, нравится ли тебе быть сексуальным объектом, пижон!» – мстительно подумала Джина.

Две темные брови изогнулись, и она испытала колоссальное удовольствие от осознания того, что шокировала его. Джина Каррингтон не была какой-то там жеманной южной мисс, готовой подчиняться диктату мужчины. И чем скорее Картер Прайс уяснил бы это, тем лучше. Но радужные оболочки его глаз потемнели, а краешки губ дернулись. И у Джины появилось странное ощущение, что она, возможно, немного недооценила его.

– И почему у меня такое чувство, будто ваш папа недостаточно часто давал пинка под... – он помедлил, демонстративно глядя чуть пониже ее талии, – под то, что представляется мне исключительно симпатичным задом?

Хотелось бы Джине возмутиться, но, к несчастью, она не чувствовала себя оскорбленной. Скорее сбитой с толку приливом желанья, заставившим напрячься соски под бюстгалтером. Ее попка запульсировала от воображаемой порки.

– Вы очень проникательны, мистер Прайс. Мой отец никогда меня не бил, – сообщила Джина со всем своим достоинством. Впрочем, в ее тоне уже слышались мурлыкающе-завлекающие нотки. – Потому что знал: он лишится руки, если хотя бы попробует.

– По мне, так рука – слишком ничтожная цена, если речь идет о том, чтобы прививать хорошие манеры своему ребенку.

На сей раз возмущение хлынуло без проблем, а сексуальная горячка сошла на нет.

– Если вы действительно считаете, что бить ребенка или женщину менее отвратительно, чем проявлять дурной тон, тогда рука – далеко не единственное, что вы заслуживаете потерять.

Картер напрягся, его чувственные губы застыли, и Джина поняла, что шокировала его до глубины души.

- Вы неправильно меня поняли, мисс...

- Каррингтон. Джина Каррингтон.

- Мисс Каррингтон. За всю свою жизнь я ни разу не ударил ребенка или женщину и никогда не сделал бы этого. Я уважаю женщин.

- Этому ваш папа тоже учил вас своими пинками? - Теперь ее слова так и сочлились презрением.

Но вместо самодовольного «да», которое Джина ожидала услышать, что-то мелькнуло в его лице, словно она пересекла какую-то запретную черту.

Он вцепился пальцами в раковину и пригвоздил Джину к месту взглядом, от которого ей стало не по себе.

- Похоже, у вас ко мне какие-то претензии, мисс Каррингтон. И поскольку я впервые имею удовольствие оказаться в вашей компании, мне хотелось бы знать, почему!

Он не ответил на вопрос, но Джина не стала настаивать.

- Я услышала, как наверху вы вынуждали Марии делать то, что хотите вы. Не то, что хочет она. Ей восемнадцать лет, и она в состоянии отправиться с нами в путешествие на машине. Как я понимаю, вы все равно уедете в медовый месяц, так почему она должна сидеть в Саванне и бить баклуши, вместо того чтобы развеяться с нами?

Мрачная линия его губ стала тонкой, мускулы его челюсти сжались.

- Значит, ваши «образцовые» манеры включают в себя подслушивание?

- По всей видимости, так. - В самом деле, какое ей дело до того, что какой-то ханжа с юга думает о ее манерах? - И раз уж пошел такой разговор, в жизни

есть вещи и поважнее образцовых манер. Позволить своей сестре следовать велению сердца – одна из них.

– Ехать в путешествие на машине со всеми вами – дерьмовая затея, не имеющая ничего общего с велением ее сердца!

«Вот тебе и хваленые южные манеры», – подумала Джина, наслаждаясь его взрывом эмоций.

– Откуда вам это знать? – холодно спросила она.

– Марии – моя сестра.

– И это делает вас ее надсмотрщиком, да? Марии может все решать сама!

Брови Картера сдвинулись, Джина ждала обвинений в том, что их троица дурно влияет на Марию, но, к ее удивлению, после нескольких глубоких вздохов плечи Картера расслабились. Он явно сделал над собой усилие, удерживаясь от скандала.

Джина прогнала мелькнувшее было восхищение – самообладание не относилось к числу ее сильных сторон.

– Я не считаю себя надсмотрщиком Марии, мисс Каррингтон. Но я – ее брат и сделаю то, что будет лучше для нее, – с вашего позволения или без него.

Ее губы изогнулись в усмешке. Похоже, безупречные манеры Картера мешали ему выложить все, что он на самом деле думал о ней и ее подругах.

– И почему же лучшее для нее – ваше решение, а не ее собственное?

Его желваки так и заходили.

– Потому что ей – восемнадцать, – отрезал Картер. Но Джина поняла, о чем он умолчал: «И потому что она – женщина».

– Сколько вам лет, Картер?

Он насупился:

– Двадцать два.

– А сколько вам было, когда вы обручились? – уточнила она, хотя уже знала ответ.

– Это совсем другое дело, – ответил он, слишком поздно уловив подвох.

– Хм... почему же другое? Вам было столько же, сколько сейчас Марии, и все же вы были достаточно зрелым, чтобы понять, что будете любить свою подругу детства до конца дней своих.

– Все было совсем не так. Мы с Мисси идеально подходим друг другу. И это важно было сделать после смерти моего отца. Моей матери и Марии требовалось ощущение стабильности, и этот брак – в их интересах.

Настал черед Джини хмуриться. Описание помолвки в его устах резко контрастировало с романтичным вихрем любви, о котором живописала Мария. Зачем делать предложение только потому, что так будет благоразумно и удобно кому-то, ради спокойствия матери и сестры? Не слишком ли далеко он зашел в исполнении сыновнего долга?

– Но вы ведь любите Мисси, не так ли? – Любопытство снедало Джину. Ему ведь в ту пору было всего восемнадцать... О чем только он думал, когда решил довольствоваться «одной-единственной» в столь юном возрасте? А как же игра гормонов? Желание набеситься?

– Конечно же я люблю Мисси. Через две недели она станет моей женой. Мы – друзья, мы понимаем друг друга и хотим от жизни одного и того же.

Ничего из этого даже отдаленно не походило на убедительную причину для помолвки. Но что Джина знала об этом?

– Чего же?

Картер резко, будто защищаясь, дернул плечами. И тут Джина впервые осознала, каким неуверенным в себе он был.

– Товарищеских отношений, доверия, психологической совместимости, детей. Вот так, – монотонно ответил Картер, будто повторял это в сотый раз.

– Ага, Ретт, – отозвалась Джина, хлопая ресницами и жеманно растягивая слова в типично южном диалекте. – Как романтично с вашей стороны составить список факторов идеального брака – Мисси наверняка голову потеряла!

– Мисси знает, что может мне доверять, – раздраженно и рассеянно постановил Святой Картер, явно не привыкший к тому, что его дразнят. – Только это и имеет значение.

– Да неужели? А как же насчет любви, страсти, приключений и... – Джина пыталась подобрать верные слова, – и обещание мультиоргазмического секса до конца дней своих?

Его взгляд метнулся к ее декольте, потом снова вспорхнул на ее лицо, и его шея покраснела, а на точеных скулах засиял загар. Картер смущенно отвел глаза и сделал нарочито большой глоток колы. И тут Джина все поняла.

Боже праведный...

Картеру Прайсу было восемнадцать, когда он сделал предложение своей идеально подходящей девушке. И если Мисси была такой же жеманной скромницей, как и ее лучшая подруга Марии, когда только приехала из своей Саванны, – с тонким кольцом верности на руке, означающим непорочность, – то она наверняка заявила, что останется девственницей до первой брачной ночи.

Джина уставилась на длинные загорелые пальцы левой руки Картера, сжимавшие бутылку колы.

И едва не охнула от изумления, заметив узкое серебряное колечко на его мизинце – точно такое же, как у Марии.

О нет, неужели? Этот парень, такой красивый и необычайно мужественный, смотревший на нее с мрачным сексуальным накалом? И он дал обет воздержания в восемнадцать лет? Это было мило – и смешно. Неудивительно, что он казался таким зажатым и дерганым.

Ситуация требовала немедленного вмешательства.

Нахлынувшая волна возбуждения и предвкушения сжала грудь Джины – и некоторые другие части ее анатомии. Дрянной девчонке вдруг пришел на ум прекрасный план – сбить спесь со Святого Картера. Доказать, что ему не чуждо ничто греховное, как и остальным людям.

В конце концов, она была законченной кокеткой. И не было ничего страшного в том, чтобы пофлиртовать с мужчиной. Особенно с таким ханжески чопорным, обожающим командовать и невероятно сексуальным, как этот. И как только она докажет Картеру Прайсу, что плохие девочки достойны уважения, как только превратит его в лужицу сверхактивных гормонов, он согласится на что угодно... Даже на то, чтобы разрешить своей невинной сестренке отправиться в разгульное путешествие на машине с тремя распутными девицами. У этого мужчины так долго не было секса... Сопротивляться вызову было невозможно. Джина потеряла девственность в шестнадцать, с тридцатипятилетним учителем биологии в школе-пансионе, и с тех пор ни разу не пожалела об этом. Картер Прайс и не догадывался, с кем связался. Джина не хотела посягать на территорию другой женщины. Но ведь можно было позволить флирту зайти достаточно далеко, чтобы дать Святому Картеру представление о сексе и подготовить его к первой брачной ночи? Мисси была бы ей бесконечно признательна.

– Не хотите ли еще мартини, мисс?

Джина моргнула, рассеянно глядя на назойливую официантку, вопрос которой резко вернул ее в настоящее. В бар отеля «Стандарт», куда она зашла поддержать дух бокальчиком-другим. И где буквально застыла на месте, огорошенная воспоминаниями.

Опустив взгляд на свой бокал, она с удивлением обнаружила его пустым.

– Нет, благодарю вас. Принесите счет, пожалуйста.

Официантка кивнула.

Возможно, Марии была права, и именно Картер был тем, кто решился на измену. Но Джина не могла отмахнуться от факта, что это она совратила его. Не наоборот. Не прошло и двенадцати часов после того, как она встретила Картера на кухне, а Джина уже осознала всю значимость своей ошибки. Это произошло, когда она лежала на мокрой от росы траве под кленом, а первые рассветные лучи играли на непокорных волнах волос Картера. Сердце Джинины отрывисто билось от шока и угрызений совести, между раскинутыми бедрами томительно ныло, внутри еще пульсировал огромный напряженный член, а кольцо на мизинце Картера впечаталось ей в щеку.

Тело объял чувственный жар, и Джина вдруг подумала, что, возможно, приехала в этот отель не только для того, чтобы лично передать свое тщательно составленное сообщение. В конце концов, это можно было сделать по телефону или имейлу.

Неужели она подсознательно надеялась на встречу с женщиной, чью фотографию мельком увидела в смартфоне Марии этим утром? Неужели ее жизнь не началась с чистого листа, как хотелось думать?

Вот черт! Ей стоило побыстрее убраться отсюда.

Официантка вернулась со счетом. Джина, не считая, бросила на поднос несколько купюр и кинулась через вестибюль. Но песня Глории Гейнор «Я выживу», заголосившая из ее сумки, заставила замедлить шаг.

Джина остановилась, нащупала в сумке телефон и уставилась на высветившийся на экране незнакомый номер. Она взглянула на часы над парадной дверью отеля, и накатившая паника отступила. До приезда Картера оставалось целых тридцать минут – наверняка это новый клиент, прельстившийся ее недавней рекламной кампанией в социальных сетях.

Но как только она прижала телефон к уху, глубокий южный акцент заставил каблуки ее босоножек увязнуть в ворсистом ковре, а сердце – учащенно забиться.

– Привет, Джина. Это Картер Прайс. Я получил твое сообщение.

– Картер! Привет. Как дела? – Она вздрогнула от прозвучавшей в голосе фальшивой оживленности.

Вот тебе на, неужели он стоял у стойки администратора? Прямо за ее спиной? Может быть, заранее позвонил в отель и получил сообщение? Боже, пожалуйста, пусть так и будет! Джина, не оборачиваясь, кинулась к выходу. До двери оставалось всего ничего.

– У меня все хорошо, – ответил Картер. – Вот стою тут и гадаю, куда это ты так спешишь.

Черт побери!

Джина обернулась. И чуть не выронила телефон, заметив мужчину, который расположился, опершись локтем о стойку администратора и прижав к уху телефон. Холодные синие глаза остановились на ее лице.

Дыхание Джины застряло где-то в районе солнечного сплетения – и она всерьез задумалась над реальностью существования телепортации.

– Стой на месте, – сказал он и, отключившись, сунул телефон в задний карман брюк.

Картер направился к ней, и бедра Джины затрепетали. Она сжала колени, чтобы не упасть в обморок от страстного желания, и вдруг подумала, что фотографии папарацци явно не воздали ему должное. Самый завидный холостяк Саванны был не просто горяч – взрывоопасен.

Джина втянула воздух в горящие легкие, признательная бокалу мартини за ободряющее действие. Картер уже подошел настолько близко, что она уловила ароматы мыла и мужчины – и вспомнила, какой же он высоченный. Рослая Джина не привыкла, чтобы мужчины возвышались над ней, но рядом с Картером Прайсом чувствовала себя прямо-таки крошечной.

– Сколько же времени утекло, мисс Каррингтон?

Наверное, недостаточно много, если судить по испарине, выступившей над ее верхней губой.

– С годами ты стала только лучше, – произнес Картер низким веселым голосом. – Как хорошее вино.

«Да и ты тоже», – подумала Джина. Несколько седых прядей у висков, морщинки в уголках глаз и волны густых темных волос, касавшихся воротника его белой рубашки, только добавляли Картеру самоуверенной, властной харизмы.

– Польщена твоими словами, – пробормотала она, изо всех сил стараясь не скатываться на гортанное мурлыканье.

Его взгляд скользнул в ложбинку между ее грудей, и Джина учащенно задышала.

– Рад снова тебя видеть. Марии говорила, что теперь ты живешь в Нью-Йорке, – бросил Картер, безмерно удивив ее.

Выходит, он спрашивал Марии о ней...

А потом, к величайшему изумлению Джина, Картер взял ее руку в свои длинные холодные пальцы и поднес к губам.

Быстрое галантное прикосновение к ее суставам вернуло Джину в давние времена, к тому привлекательному южанину. Но вот он сощурился, взмахнув густыми темными ресницами, и тот мальчик испарился – сейчас Джина видела перед собой мужчину.

– Как насчет того, чтобы продолжить разговор в баре? И ты сможешь перейти к тому, о чем хотела поговорить.

– Отлично, будет весьма кстати, – ответила Джина, хотя думала совсем наоборот. И Картер, положив руку ей на талию, повел ее в бар.

Колоссально! Как, черт побери, она сможет хладнокровно принести извинения, если ее разум уже поджарился до корочки ото всех этих всплесков энергии, исходившей от его руки?

Глава 4

Картер Прайс моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд, замылившись от смены часовых поясов после долгого перелета из России. Туман в его мозгу развеял пульсирующий жар, охвативший все внутри.

Целых десять лет Картер отказывался признавать свой интерес, и вот теперь сообщение из двух строчек, переданное администратором, привело его в замешательство. За эти годы он слишком часто думал о Джине Каррингтон, так что ее фигура, на всех парах несущаяся к выходу из отеля, произвела на него эффект, сравнимый с разрушительным воздействием пяти ураганов.

Джина выглядела сексуальнее, чем он ее помнил. А помнил он много. Припухшие губы, огромные зеленые, чуть косящие глаза, копна каштановых волос, которые когда-то спадали на плечи непокорными локонами, а сейчас были уложены на макушке и заставляли его пальцы зудеть от желания снова растрепать их... Ее высокая стройная фигура немного налилась со времен колледжа – высокая грудь стала полнее, бедра раздались, а ноги в босоножках на острых каблуках казались бесконечными. Словом, ее роскошные формы стали еще аппетитнее.

С тех пор как Картер потерял девственность с Джинной и развелся с женой, он встречался с множеством женщин, которые могли похвастать более явной, классической красотой, – но ни одна из них не источала секс чистой воды, как Джина, не будоражила его чувства одним лишь дуновением своего пылкого, сладострастного аромата.

Она уселась на высокий барный табурет, и Картер приказал себе: «Достань уже мозги из своих штанов!»

Он просто терял рассудок, стоило ему начать фантазировать о женщине, вдребезги разбившей его жизнь.

Картер подозвал бармена и спросил Джину:

- Что будешь?

- Содовую.

- А мне - пиво, - заказал Картер, устраиваясь на табурете рядом с ней.

Он заметил, как дернулось горло Джини, когда она с усилием глотнула, и ощутил нахлынувшую волну удовольствия. Джина нервничала, что автоматически делало его хозяином положения. С той памятной ночи в его постели перебивало множество леди, он уже не был тем подвижным похотью зеленым юнцом. И все же сердце оглушительно заколотилось, когда Джина обхватила соломинку пухлыми губами и принялась посасывать содовую.

Да, он по-прежнему желал Джину Каррингтон, ну и что с того? Сейчас у него было достаточно самообладания, чтобы не поддаваться этим желаниям - по крайней мере, немедленно. Для начала стоило узнать, в чем дело. Скользя взглядом по шелковистому платью, Картер заметил, как отрывисто вздымается и опадает роскошная грудь.

Прихлебывая пиво, Картер ждал, когда Джина все выложит. В конце концов, это ведь она оставила ему сообщение.

Джина залпом выпила содовую, но так ничего и не объяснила, и Картер решил разговорить ее.

- Так я слышал, у тебя свой бизнес - разработка веб-сайтов и стратегия продвижения в социальных медиа, верно?

В ее глазах отразилось приятное удивление.

- Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами:

– Я подумывал нанять подобного специалиста для своего консорциума. Твое имя всплыло в ходе исследования, которое мы проводили.

Помнится, увидев имя Джини в отчете, Картер бросился искать информацию о ней в Интернете и обнаружил, что теперь она жила в Штатах. Не то чтобы он собирался рассказывать ей об этом... После развода Картер избавился от угрызений совести за ночь с Джини и за то, как часто эта ночь присутствовала в его мечтах все эти годы семейной жизни.

– Кстати, у тебя хороший сайт, – добавил он. – Четкий и понятный, и у тебя там несколько великолепных отзывов от клиентов.

– Спасибо. – Джина наблюдала за ним, и Картер заметил притягательные золотые крапинки в зеленой радужке ее глаз.

– Так ты поэтому связалась со мной? – еще немного надавил он.

Ее брови взлетели на середину лба.

– Боже, нет! Мне не так сильно требуются новые клиенты.

Картер усмехнулся тому, как рьяно она бросилась отрицать это. И с удивлением осознал: он рад, что Джина разыскала его не для того, чтобы добиваться выгодного контракта.

– Тогда ты должна хотя бы намекнуть мне, в чем дело, – твое сообщение было несколько загадочным.

Она всем корпусом повернулась к Картеру, скрестив длинные ноги, и ее короткое платье задралось, обнажив крепкое, тронутое легким загаром бедро.

– Сегодня утром я пила кофе с Марии и увидела твою эсэмэску. Когда я узнала, что ты собираешься приехать в город на неделю, я решила воспользоваться удобным случаем, чтобы... – Джина замаялась, – чтобы прийти сюда и извиниться за то, что сделала десять лет назад.

Страстный жар внутри запылал еще сильнее. Она казалась искренней. Неужели действительно говорила серьезно?

- Тебе придется объяснить все подробнее, - сказал Картер, оживившись, когда ее глаза раздраженно вспыхнули. Он от души наслаждался тем, что эта особенная женщина находилась в столь неловком положении. - Потому что, насколько я помню, той ночью мы много чем занимались.

Ироничное замечание заставило Джину медленно закипеть. Он что, вздумал смеяться над ней? Неужели его развод был поводом для шуток?

- Я прошу прощения за все, - ответила она более резко, чем собиралась, когда его губы насмешливо скривились. - За то, что соблазнила тебя, лишила тебя девственности и разрушила твой брак.

Картер прыснул, едва не разлив свое пиво:

- Ты что, прикалываешься?

- Честно, нет, - горячо возразила Джина, но ее серьезный тон не подавил грохотавший недоверчивый смех. - Я искренне сожалею о том, что сделала с тобой.

Она взяла сумочку с барной стойки и соскользнула с табурета, с досадой ощущая, как вся искренность ее извинений тонет в море унижения. Она выставила себя на посмешище - пришла пора с достоинством удалиться.

- Я должна идти. Спасибо за содовую, Картер.

Джина метнулась вперед мимо него, но сильные пальцы успели схватить ее за запястье.

- Куда это ты так спешишь?

- Я ухожу. Судя по всему, это была ошибка. - Она попыталась вывернуть руку, но его пальцы напряглись.

– Ну уж нет, моя сладкая, – низким голосом произнес он, растягивая последнее слово – случайно вырвавшееся выражение нежности. Это прозвучало столь чувственно, что Джина на миг потеряла желание сопротивляться.

Воспользовавшись ее замешательством, Картер положил обе ладони ей на талию и привлек Джину к себе. Она в напряжении застыла на месте и с удивлением обнаружила себя стоящей между разведенными бедрами Картера.

– Что ты делаешь?

– Угомонись, Джина. Ты хотела поговорить, и сейчас моя очередь.

Она вскинула руки в попытке освободиться, но Картер твердо держал ее, будто желая пригвоздить к месту.

– Расслабься. Ты никуда не уйдешь до тех пор, пока я не скажу то, что хочу сказать.

– Хорошо. – Джина скрестила руки на груди, сдерживая волну возбуждения, пронизавшую все тело, когда руки Картера скользнули вниз, схватив ее за бедра. – Можешь насладиться моим безраздельным вниманием. Но я не понимаю, о чем тут еще говорить.

Им не следовало стоять так близко, но выбора у Джины не было – разве что закатить истерику перед посетителями бара, которые уже проявляли к их беседе неподдельный интерес.

– А ты осталась такой же вспыльчивой, как я посмотрю.

– Это то, что ты хотел сказать?

Картер снова прыснул. Мускулистое бедро коснулось ее ноги, и Джина отпрянула от него, только чтобы попасться в ловушку, коснувшись другого его бедра.

– Во-первых, можешь засунуть свои извинения в одно из тех славных мест, куда не доходят солнечные лучи.

Джина втянула воздух ртом, шокированная его грубостью.

- Вот и прекрасно, тогда я должна...

- Тихо, я еще не закончил.

Она послушно закрыла рот.

- Во-вторых, ты, возможно, и оказалась у меня первой, но я не был таким уж робким придурком. Не ты овладела мной – я тебя взял.

От его обольстительного рычания страстный пыл снова нахлынул на Джину.

- И, в-третьих, я сам разрушил свой брак, без твоей помощи.

- Не понимаю, как ты можешь так говорить, ведь я соблазнила тебя за две недели до твоей свадьбы. – Его нудный морализаторский тон вывел Джину из себя. – Я знала, что ты помолвлен, и все-таки пошла на это. Намеренно.

- Полагаю, я уже коснулся этой темы в пункте два. – Глаза Картера озорались веселостью, что еще больше разозлило и распалило Джину. – Ты не заставляла меня делать то, чего я не хотел. Так что с чистой совестью можешь перестать расстраиваться.

- О, я тебя умоляю... – прошипела она. – То, что сейчас ты смотришь на ту ночь через затемненные тестостероном очки, не меняет того факта, что я, я соблазнила тебя, не наоборот! Ради всего святого, я практически набросилась на тебя, ты даже не успел меня поцеловать!

- Значит, я был тяжелым на подъем. И что с того? В конечном счете я ведь разобрался, что к чему.

Руки Картера проползли вверх до ее талии.

- Прости, что ты делаешь? Я тебя не смущаю? – взвизгнула Джина, когда синие глаза потемнели, приобретя опасное выражение, и Картер подался вперед,

вдыхая аромат ее волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/haydi-rays/legkomyslennaya-soblaznitel-nica>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)